

С. Г. Боталов

ПРОБЛЕМА УРАЛЬСКОЙ ПРАВЕНГРИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ НА ПОГРЕБАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ УЕЛГИ

S. G. Botalov

PROBLEM OF URAL MAGNA HUNGARY IN THE LIGHT OF NEW DISCOVERIES IN FUNERAL COMPLEX UELGI

В 2009 году был открыт большой погребальный комплекс Уелги, расположенный на межозерье Уелгов и Сайгырлов в 50 км к северу от Челябинска. В полевом сезоне 2010—2011 годов исследованы курганы № 1, 2, 3, 7 и 8 (21 погребение). Полученные на сегодняшний день новые материалы из могильника Уелги, а также из могильника Синеглазово позволяют предположить, что спустя примерно триста лет после своего становления (в конце IX в.) глубоко в лесостепной зоне Южного Урала появляются кочевнические комплексы позднекушнаренковско-караякуповского облика типа Синеглазово, Уелгов, Лагерево, Каранаево и др., несущие на себе яркий кочевнический культурный комплекс синкретического характера, в котором угадываются элементы центрального и восточно-казахстанского, алтайского облика, а также прослеживаются явные параллели с западными кочевническими комплексами Поволжья, Нижнего Поднепровья и Подунавья.

Ключевые слова: *мадьяры, Уелги, кочевники средневековья.*

In 2009 a great funeral complex Uelgi was discovered between the lakes Uelgi and Saigyrlly in 50 km to the north from Chelyabinsk. During the surveying season 2010—2011 the burial mounds No. 1, 2, 3, 7 and 8 (21 funerals) were investigated. The new materials obtained from Uelgi and Sineglazovo burial grounds allow suggesting that approximately three hundred years after its formation (the end of IX century) nomadic complexes of the late Kushnarenkovsky-Karayakupovsky layout like Sineglazovo, Uelgi, Lagarevo, Karanayevo, and others appeared deep in the forest-steppe area of South Ural bearing bright nomad cultural complex of syncretic character, which also included elements of Central and Eastern Kazakhstan, Altai layouts, along with certain features typical for western nomadic complexes of Povolzhye, Podneprovye and Podunavye.

Keywords: *the Magyars, Uelgi, middle Ages nomad tribes.*

В конце 1950-х годов В. Ф. Генингом впервые по данным археологии была высказана мысль о Приуральских угоро-мадьярских параллелях с материалами Карпатской котловины¹. Бурное накопление археологических материалов по средневековой археологии Урала и Западной Сибири в последующие 60-е и в начале 70-х годов вовлекло в исследовательский процесс по данной тематике самый широкий круг отечественных специалистов, а также венгерских археологов и историков².

Наиболее значительным событием этого периода является обнаружение и раскопки известных памятников: Больше-Тиганского, Танкеевского, Такталачукского и др. могильников Волго-Камья, а также Лагеревских, Стерлитамакских, Бекешевских, Каранаевских и др. курганов Южного Урала³. К этому периоду дискуссия об урало-венгерских параллелях достигает своего наивысшего уровня⁴. В ходе нее были установлены весьма важные аналогии, позволяющие связывать регион Волго-Уралья с правенгерской территорией. Так, наиболее соответствующие по погребальному обряду, метал-

лическому инвентарю и керамике с мадьярскими оказались материалы кушнаренковской и караякуповской культур Южного Урала. Эти представления были подробно изложены в обобщающей работе В. А. Иванова, вышедшей в самом конце столетия⁵, которая своеобразно подвела итог археологических исследований этого периода.

В связи с тем, что целенаправленные полевые исследования памятников Южного Урала и Поволжья по ряду причин были существенно замедлены с середины 1970-х годов, остался целый ряд вопросов, требующих своего разрешения. Так, например, оставались непонятными истоки и облик памятников кушнаренковско-караякуповского круга, а также этапы всего процесса культурогенеза населения, оставившего эти памятники от раннего этапа возникновения (VI в.) до периода исхода протомадьярского населения на запад (конец IX в.).

По сей день остается непонятным вопрос о территории исхода мадьяр, то есть, собственно, о местоположении легендарной «Magna Hungaria». Приуральское позиционирование натолкнулось на ряд

существенных препятствий. Во-первых, наиболее ранние памятники кушнаренковско-каракуповского круга, связываемые большинством исследователей с прамадьярским населением, появляются в поселенческих комплексах Исетско-Тобольского бассейна лесостепного Зауралья в IV—V вв. н. э. и только затем эти памятники широко распространяются вдоль Белой и Камы.

В первом десятилетии нового столетия археологические работы по поиску Уральской Правенгрии спустя около тридцати лет были активизированы. Основной исследовательский вектор был перемещен на восток, за Урал. Здесь, в пределах лесостепного Тоболо-Исетского региона, начали активно раскапываться поселенческие ранне-средневековые комплексы, включающие протокушнаренковские материалы⁶. Стало очевидным, что кушнаренковско-каракуповский культурный компонент появляется в составе синкретического бакальского историко-культурного горизонта IV—VI вв. Таким образом, открылись новые возможности в исследовании исходных позиций формирования протомадьярской культуры.

В 2009 году челябинскими археологами был открыт чрезвычайно интересный погребальный комплекс Уелги. Первые материалы из этого комплекса, позволили говорить, что это памятник из ряда Синглазово, Каранаево, Лагереево и пр. Они отражают становление следующего позднекушнаренковского и позднекаракуповского времени (IX—X вв.). Эти памятники появляются как исключительно кочевнические в пределах предгорной, лесостепной и степной зон южного Зауралья.

Некоторые косвенные данные (о чем будет сказано ниже) сегодня предполагают возможность говорить о некотором исключительно степном, кочевническом импульсе в IX—X вв., который и был причиной появления этих ярких зауральских комплексов. Так новое открытие продолжило исследовательскую эстафету уральско-венгерской тематики.

Погребальный комплекс Уелги расположен на межозерье Уелгов и Сайгырлов в 50 км к северу от Челябинска. На площадке памятника визуально просматривается до 30 курганных насыпей.

Первые раскопки проведены в июне-августе 2010 года. Исследованию подверглись курганы 1 и 2. Выявлено восемь погребений, два способа захоронения — ингумация (1, 2, 7 и 8) и кремация (3 и 4, 5, 6).

В полевом сезоне 2011 года исследованы курганы № 3, 7 и 8 (12 погребений). Курган № 3 содержал 2 погребения, курган № 7 — 6 погребений, курган № 8 — 4 погребения. Все погребения выполнены по обряду ингумации, кроме одного погребения из кургана № 3, где зафиксировано трупосожжение.

Общая картина соотношения типов погребений не изменилась и в 2012 году. Основным продолжающимся раскопом было исследовано 4 кургана с 8 погребениями, совершенными по обряду ингумации. Раскоп, заложенный в СВ углу территории комплекса, выявил яркое погребение с трупосожжением (курган 1а). Особенностью сезона было выявление 4 жертвенных комплексов, в двух из которых, кроме костей животных, находились тайники с конской

упряжью, вооружением, поясами и предметами украшений.

Материал, полученный в результате поверхностных сборов и раскопок, позволяет сделать выводы по культурно-хронологической принадлежности погребального памятника Уелги. Главным образом, инвентарь составляют предметы ременной гарнитуры — накладные бляхи, наконечники ремней, пряжки. Заметим, однако, что абсолютное большинство этих вещей обнаружено без привязки к конкретным объектам (ввиду разрушенности и разграбленности могильника). Тем не менее, весь материал разделен на 5 стилистических групп. Первую группу объединяют преимущественно неорнаментированные накладки: накладки с псевдопетельчатым или петельчатым выступом, гантелевидные, лунницевидные и накладки с парными или тройными выступами, накладки с нервюрой по осевой линии, а так же накладки с прорезью для подвешивания ремня и др. Они получают широкое распространение в начале IX в.⁷ В качестве аналогий можно привести известные памятники IX—X вв. Башкортостана и Южного Зауралья — I и II Бекешевские, Ямаши-Тауские, Хусаиновские курганы, могильник Граултры⁸. Наиболее ранние экземпляры встречены в слоях Пенджикента от первой до третьей четверти VIII в.⁹ Следует заметить, что некоторые прямые аналогии встречаются в отдаленных от Южного Урала могильниках, например, Субботцы в Кировоградской области Украины¹⁰. Стилистическую группу 2 составляют поясные, сбруйные и другие серебряные накладки, наконечники ремней, аналогичные предметам из отдельных погребений кочевой аристократии Южного Урала и Казахстана. Эти богато украшенные растительным орнаментом накладки, распределители и наконечники, имеющие золотое амальгамирование поверхности, соотносимы с материалами Лагеревских, Ишимбаевских, Старо-Халиловских, Каранаевских курганов Южного Урала¹¹. Рассматриваемую группу можно отнести к IX—X вв. Отдельные изобразительные элементы схожи с хазарской (салтовской) стилистикой¹². Стилистическую группу 3 составляют вещи, несущие «мадьярские» изобразительные элементы. Это оформление бордюра звеньевым орнаментом — чередующимися овалами и кружками (или в других вариациях); «постсасанидский» стиль. Центральным элементом орнамента выступает трех- или четырехлепестковая в большинстве случаев розетка или расцветающий цветочный бутон, трилистники. Ременные украшения с бордюром, оформленным чередующимися овалами и кружками, встречены в синхронных (в хронологическом плане) памятниках от Южного Урала до Восточной Европы: в развешанном погребении близ Эмбы¹³, в Синглазовском могильнике¹⁴, в Больше-Тиганском могильнике¹⁵, в Танкеевском могильнике¹⁶, в погребении у с. Субботца¹⁷. По наблюдению Е. П. Казакова, данный элемент орнамента был специфичным для культуры кочевых угров (в частности, мадьяр) Восточной Европы¹⁸. Четвертую стилистическую группу составляют предметы, имеющие южно- и западносибирские декоративные традиции второй половины — конца I тыс. н. э.¹⁹ Их объединяет

растительная орнаментация симметричных композиций в виде побегов и завитков. Пятая группа представлена предметами, соотносимыми с урало-пермским стилем.

Керамический материал, представленный горшками и отдельными фрагментами, в целом, относится к позднекушнареновско-караякуповскому, петрогромскому культурному комплексу (тонкостенная, гребенчато-прочерченная, а также шнуровая керамика с зональной орнаментацией).

Картина этнокультурных трансформаций, в результате которых возникают некрополи типа Уелги и единокультурный, ранее известный Синеглазовский комплекс²⁰, выглядит следующим образом.

Как уже упоминалось, сформировавшиеся на раннем этапе в составе Бакальского историко-культурного горизонта (IV—VI вв. н. э.) группы скотоводческого полуоседлого населения — носителей керамики кушнареновско-караякуповского круга в VI веке начинают свое продвижение на запад в бассейн р. Белой и Камы, где появляются многочисленные памятники этого облика. Вместе с этим кушнареновские материалы появляются глубоко в степях Южного Зауралья в курганах с «усами» на кратковременных стоянках (Селенташ, Кайсай, Берсуат).

Как нам представляется, эти факты не случайны и маркируют собой процесс взаимодействия протомадьярского населения с кочевниками складывающегося Западно-Тюркского Каганата. Безусловно, о степени участия этого населения в культурно-этногенезе кочевников урало-казахстанских степей периода Великого Тюркского Каганата на сегодняшний день можно говорить лишь с определенной осторожностью. Однако очевиден тот факт, что спустя примерно триста лет после своего становления (в конце IX в.) глубоко в лесостепной зоне Южного Урала появляются кочевнические комплексы позднекушнареновско-караякуповского облика типа Синеглазово, Уелгов, Лагереве, Каранаево и др., несущие на себе яркий кочевнический культурный комплекс синкретического характера, в котором угадываются элементы центрального и восточно-казахстанского, алтайского облика. Явные параллели с западными кочевническими комплексами Поволжья, Нижнего Поднепровья и Подунавья указывают на то, что часть этого же населения уходит в данный момент далеко на запад, что не противоречит историческим данным.

В этот же период (с IX в.) наблюдается активное влияние южно-таежного протомансийского населения лесного Зауралья и Западной Сибири (петрогромско-юдинский историко-культурный горизонт), носителей шнуровой керамики, на лесостепной регион Южного Зауралья и Среднего Прикамья. Эти процессы в определенной мере маркируются и в материалах Уелгов яркими образцами керамики со шнуровой орнаментацией. Общую картину этнокультурных трансформаций на данном этапе завершает восточный (сросткинский) импульс, связанный с перемещением раннекыпчакского населения из районов Алтая.

Наличие очень характерных алтайских аналогий в вещевом инвентаре и такой маркирующей черты

как кремация в погребальном обряде позволяет предполагать участие некоторой части раннекыпчакского населения в этой восточной (сросткинско-кыпчакской) волне.

Таким образом, в свете новых материалов проблема Уральской Правенгрии приобретает если не новое, то более широкое звучание. Магьярские параллели, которые усматриваются в новых материалах зауральских комплексов из могильников Уелги и Синеглазово, позволяют говорить, что население, оставившее их, равно как и население Волго-Камья, прямо или опосредовано, играло определяющую роль в конечном становлении протомадьярской культуры и в дальнейшем движении её носителей на запад. Однако сам механизм этих взаимовлияний и пределы ареала, в границах которого они происходили, по-прежнему остаются не до конца понятными.

Примечания

1. Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. — Вып. 2. — Казань, 1959. — С. 334.

2. Эрдели Иштван. Об археологической культуре древних венгров конца IX — первой половины X в. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров : сб. ст. — М., 1972. — С. 128—144; Fodor I. Research on the Proto-Hungarians // The New Hungarian Quarterly. — 1977; László Gy. A «kettős honfoglalás». — Bp. Magvető Kiadó. 1978. — 215 с.; Erdélyi I., Ojtozi E., Gening V. Das Gräberfeld von Newolino. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1969.

3. Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. — 1976 — № 2; Мажитов Н. А. Южный Урал в XII—XIV вв. — М. : Наука, 1977. — С. 228—232.

4. Барта Антал. Истоки венгерской культуры // Проблемы археологии и древней истории угров : сб. ст. — М., 1972. — С. 118—127; Эрдели Иштван. Указ. соч. — С. 128—144; Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров : сб. ст. — М., 1972. — С. 145—160; Казаков Е. П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров : сб. ст. — М., 1972. — С. 161—167; Халикова Е. А. Magna Hungaria // Вопросы истории. — 1975. — № 7; Gening V. F. Magna Hungaria és a régészeti emléanyag. — Budapest : Különlenyomat az archeológiai Értesítő, 1978; Боталов С. Г., Таиров А. Д. Древняя история Южного Зауралья : коллективная монография. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000. — Т. II. — 494 с.; Халиков А. Х. Культура древних венгров в Приуралье и Придунавье в VIII—X вв. н. э. // Материалы симпозиума Nové vozokany 3—7 октября 1983 г. — Nitra, 1984.

5. Иванов В. А. Древние угры-магьяры в Восточной Европе. — Уфа, 1999.

6. Матвеева Н. П. Формирование кушнареновских комплексов в Зауралье // АВ ORIGINE: проблемы генезиса культур Сибири. — Тюмень, 2007. — С. 63—75; Боталов С. Г., Тидеман Е. В., Лукиных А. А., Вохменцев М. П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. — Челябинск : Рифей, 2008. — С. 6—44.

7. Мажитов Н. А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала VII—XI вв. // Хронология памятников Южного Урала : сб. ст. — Уфа, 1993. — С. 132—135.

8. Боталов С. Г., Таиров А. Д. Указ. соч. — С. 325—326; Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. — М., 1981. — С. 37—38, 45, 54—57, 59—60, 64.
9. Распопова В. И. Металлические изделия ранне-средневекового Согда. — Л., 1980. — С. 87—90.
10. Бокий Н. М., Плетнева С. А. Захоронение семьи кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. — 1988. — № 2. — С. 104—113.
11. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала... — С. 87—113; Мажитов Н. А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала... — С. 132—135.
12. Плетнева С. А. Салгово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 62—75.
13. Бисембаев А. А. Случайные находки рубежа I—II тысячелетий с территории Актюбинской области // Известия НАН РК. Серия общественных наук. — 2003. — С. 62—64.
14. Стоколос В. С. Курган на озере Синеглазово // Археология и этнография Башкирии. — 1962. — Т. 1. — С. 163, 167.
15. Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. — 1976. — № 2. — С. 171.
16. Казаков Е. П. Указ. соч. — С. 162—163.
17. Бокий Н. М., Плетнева С. А. Указ. соч. — С. 106—108.
18. Казаков Е. П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья : сб. науч. тр. — Казань, 2001. — С. 55.
19. Могильников В. А. Кимаки. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 43—52.
20. В 2009 году В. В. Стоколосом переданы материалы из могильника Синеглазово, которые демонстрируют прямые аналогии уелгинским артефактам; Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX—X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1976. — С. 103—104; Боталов С. Г., Таиров А. Д. Указ. соч. — С. 359—365.

Поступила в редакцию 10 января 2013 г.

БОТАЛОВ Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, Южно-Уральский государственный университет, Институт истории и археологии УрО РАН (Челябинск, Россия). Научные интересы: история средневековых кочевников Евразии. E-mail: grig@csc.ac.ru

BOTALOV Sergey Gennadjevich, doctor of historical sciences, South Ural State University, Institute of History and Archeology of the Ural branch of Russian academy of sciences (Chelyabinsk, Russia). Scientific interests: history of Eurasia medieval nomads. E-mail: grig@csc.ac.ru